

Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов

Осветимская И. И.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

Аннотация

Введение. Коммуникативная теория права А. В. Полякова представляет собой влиятельный постклассический, антропологический подход в современной российской теории права, который периодически подвергается критическому осмыслению в академической литературе. Однако значительная часть этой критики основывается на нецелостном восприятии теории или ошибочной интерпретации ее ключевых положений. Настоящее исследование посвящено систематическому критическому анализу наиболее репрезентативных критических замечаний в адрес теории.

Методология и материалы. В основу работы положен анализ публикаций следующих оппонентов коммуникативной теории права: В. В. Домакова, В. В. Матвеева, Л. В. Головки, О. В. Мартышина, В. И. Крусса, А. А. Егорова, М. В. Антонова, Е. Н. Тонкова. Исследование проводится с применением логических методов (анализ, синтез, обобщение, сравнение) в рамках методологии самого коммуникативного подхода, отражающего принципы постклассической научной рациональности, позволяющие учитывать сложность, нелинейность и неопределенность изучаемых феноменов, а также роль исследователя в процессе познания.

Результаты исследования и их обсуждение. Критика в адрес коммуникативной теории права была классифицирована на два типа: 1) *мнимая* критика, проистекающая из поверхностного знакомства с теорией и вырванных из контекста ее положений, часто неверно интерпретируемых; 2) *аргументированная* критика, основанная на глубоком понимании теории, но исходящая из иных методологических предпосылок (в первую очередь, позитивистских). Для каждого типа критики в статье предложены детальные контраргументы и развернутые ответы, проясняющие и защищающие основные тезисы коммуникативного подхода.

Выводы. Исследование подтверждает эвристическую ценность и методологическую состоятельность коммуникативной теории права как эффективного инструмента для решения современных научных и практических задач. Ее ключевое преимущество заключается в использовании антропологического подхода, в рамках которого человек с его правами, свободами и ответственностью помещается в центр права. Право понимается не как самореферентная система, а как конструируемый в интересующей коммуникации феномен, нацеленный на обеспечение мирного сосуществования и баланса между индивидуальной свободой и общим благом, ориентированный на социально-практическую значимость.

Ключевые слова: коммуникативная теория права, постклассическая юриспруденция, антропологический подход к праву, интегральное правопонимание, критика правовых теорий.

Для цитирования: Осветимская И. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 55–70. EDN: HGKSSX

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование», <https://rscf.ru/project/24-28-00976/>.

The article was submitted: 25.07.2025
The article approved after reviewing: 12.08.2025
The article accepted for publication: 01.09.2025

The Communicative Theory of Law by A. V. Polyakov as a Post-Classical Anthropological Approach to Law: A Critical Analysis of Opponents' Remarks

Osvetinskaya I. I.

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: i.osvetinskaya@spbu.ru

Abstract

Introduction. Andrey V. Polyakov's communicative theory of law is an influential post-classical, anthropological approach in modern Russian legal theory that sometimes face with critical examination in academic literature. However, a significant portion of this criticism is based on a non-systemic understanding or misinterpretation of the theory's key tenets. This study aims to conduct a systematic critical analysis of the most representative criticisms of the theory.

Methodology and materials. The research is based on a critical and systematic analysis of publications by following opponents of the communicative theory of law (V. V. Domakov, V. V. Matveev, L. V. Golovko, O. V. Martyshin, V. I. Kruss, A. A. Egorov, M. V. Antonov, E. N. Tonkov). The research employs logical methods (analysis, synthesis, generalization, comparison) within the methodological framework of the communicative approach itself, incorporating the principles of post-classical scientific rationality that emphasize complexity, non-linearity, and the role of the researcher in the process of cognition.

Results and discussion. The criticism directed at the communicative theory of law was classified into two types: 1) *apparent* criticism, stemming from a superficial engagement with the theory and interpretations of its provisions taken out of context; 2) *reasoned* criticism, based on a deep understanding of the theory but originating from different methodological premises (primarily positivism). For each type of criticism, the article provides detailed counterarguments and comprehensive responses that clarify and defend the main theses of the communicative approach.

Conclusion. The research confirms the heuristic value and methodological validity of the communicative theory of law as an effective tool for solving modern scientific and practical problems. Its key advantage is the use of anthropological approach, within which a person with his rights, freedoms and responsibilities is placed at the center of law. Law is understood not as a self-referential system, but as a phenomenon constructed in intersubjective communication, aimed at ensuring peaceful coexistence and balance between individual freedom and the commonweal, focused on social and practical significance.

Keywords: communicative theory of law, post-classical jurisprudence, anthropological approach to law, integral legal understanding, criticism of legal theories.

For citation: Osvetinskaya, I. I. The Communicative Theory of Law by A. V. Polyakov as a Post-Classical Anthropological Approach to Law: Critical Analysis of Opponents' Remarks. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 55–70. (In Russ.)

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 24-28-00976, "Law and Traditional Values: An Interdisciplinary Study", <https://rscf.ru/project/24-28-00976/>.

Введение

Коммуникативная теория права А. В. Полякова является постклассическим подходом к пониманию права, вобравшим в себя основные достижения как российской дореволюционной правовой мысли, так и зарубежной философии права. Она также выступает интегральной концепцией, с точки зрения которой право имеет различные грани (нормы, ценности, правоотношения, эмоции, тексты, деятельность по их интерпретации и реализации), связанные воедино коммуникацией между субъектами, основанной на принципе взаимного правового признания. Человек, автономно действующий в рамках коррелятивных прав и обязанностей, выступает активным правовым деятелем, конструирующим правовую реальность.

На страницах академических журналов можно встретить попытки критики постклассического направления в юридической науке в целом и коммуникативной теории права А. В. Полякова в частности. Иногда эта критика содержит взвешенные аргументы, иногда вызвана, как представляется, неверной интерпретацией ключевых компонентов соответствующих теорий. Автору данной статьи хотелось бы критически осмыслить некоторые замечания оппонентов коммуникативной теории права А. В. Полякова.

Методология и материалы

В силу невозможности охватить все замечания в рамках одной публикации, настоящая статья посвящена ответу на критику, представленную в работах В. В. Домакова и В. В. Матвеева (2016), Л. В. Головки (2016), О. В. Мартышина (2017), В. И. Крусса (2021), А. А. Егорова (2024), М. В. Антонова (2025) и Е. Н. Тонкова (2025). В исследованиях Н. В. Варламовой, И. Л. Честнова и Н. В. Разуваева также можно встретить важные критические замечания, но они заслуживают отдельной статьи, которая планируется в будущем.

В ходе исследования используются такие логические методы, как анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, индукция и дедукция, сравнение. Кроме этого, статья базируется на методах постклассической науки, которые учитывают сложность, нелинейность и неопределенность изучаемых явлений, а также роль самого исследователя в процессе познания. Статья написана в методологических рамках коммуникативного подхода к праву.

Результаты исследования имеют два раздела. В первом даются ответы на замечания, которые представляются результатом несистемного ознакомления с коммуникативной теорией права, рассмотрения некоторых аспектов теории без учета полного контекста, что приводит к неправильной интерпретации основных ее положений. По данной причине такая критика названа *мнимой*.

Во втором разделе даются ответы на замечания авторов, которые хорошо знакомы с коммуникативной теорией права, но не согласны с некоторыми ее положениями и выводами в силу разделяемой ими иной методологии исследования права. Такая критика названа аргументированной.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Критика *мнимая*

А. А. Егоров начинает свою критику с выражения несогласия с тем, что сторонники коммуникативной теории права считают А. В. Полякова первым, кто связал понимание права с социальной коммуникацией¹. Здесь автору можно возразить дважды. Во-первых, сам А. В. Поляков в своих трудах всегда подчеркивает, на «плечах» каких «гигантов» он стоит: это Л. И. Петражицкий, Г. Гурвич, Л. С. Франк, В. С. Соловьев,

¹ Егоров А. А. Коммуникативная теория права: анализ и альтернативное прочтение основных положений // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 3 (33). С. 39. EDN: DGTUWY

П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, Н. Луман, Ю. Хабермас, Л. Фуллер². Все они так или иначе связывали право с социальной коммуникацией, но либо не считали коммуникацию сутью права, либо опирались не на идею коммуникации, а на ее отдельные составные компоненты.

Во-вторых, свою задачу А. В. Поляков, судя по всему, видит не только в том, чтобы наблюдать за конкретными правовыми системами, за их основными элементами и структурой и выводить наблюдения на общетеоретический уровень (задачи общей теории права), но также в том, чтобы выявить метаюридическое значение права, добраться до его оснований и ценностей, которые право должно отстаивать, понять смысл права в контексте человека и мира (задачи философии права). Поэтому понятие коммуникации используется им в первую очередь для того, чтобы продемонстрировать, что право не является независимой от человека объективной реальностью, оно существует, «преломляясь сквозь структурированное языком человеческое сознание»³. «Право есть то, что интерпретировано как право»⁴. Правогенез в коммуникативной теории права объясняется процессом институционализации вырабатываемых в ходе социальной коммуникации типизированных социально значимых образцов поведения, которые, пройдя социальную легитимацию, превращаются в правила поведения (нормы), наделяющие конкретных субъектов правами и коррелятивными обязанностями⁵. Нормы права являются «результатом объективации (экстернализации), типизации, институционализации и легитимации поведения самих социальных субъектов»⁶.

В свою очередь, такая трактовка права раскрывает ошибочность господствующей во время создания коммуникативной теории права (да и сейчас тоже) этатистской трактовки права как создаваемого исключительно государством. А. В. Поляков показывает, что право существует и в догосударственных обществах, а с возникновением государства лишь вступает на новый этап своего развития, приобретает новую коммуникативную форму — форму нормативно-правовых актов. Такая формализация права способствует и его универсализации в рамках общества. Но в случае государственно-организованного права правовой становится не любая законодательная норма и не сразу. Для того чтобы норма закона стала правовой, необходимо, чтобы она конституировала взаимодействие субъектов таким образом, чтобы каждый из них определял свое поведение в соответствии с установленными нормой закона правами и обязанностями⁷. В противном случае текстуальная норма закона оказывается как бы «мертвой», оторванной от тех, кому она адресовалась. Подобная ситуация была невозможна в рамках догосударственного права, или соответствующего жизненному миру людей, или не являвшегося правом фактически, а лишь надевавшим его «маску» механизмом господства, насилия и произвола.

А. А. Егоров рассуждает над следующей интерпретацией права, данной А. В. Поляковым в предисловии к его «Общей теории права» в 2004 г.:

«...Право как тотальная и синергичная интерсубъективная социокультурная реальность рассматривается в коммуникативно-деятельном, ценностном, семиотическом и психологическом аспектах и, соответственно, онтологически интерпретируется и феноменологически описывается как многоединство, включающее в себя как нормы, так и правоотношения, как ценности, так и правосознание, как правовые тексты, так и деятельность по их интерпретации и претворению в жизнь»⁸.

² См., напр.: Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144–155. EDN: ZDLVXB; Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193; Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. № 16 (6). С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-po lyakov. EDN: AQDOOD; Polyakov A. V., Osvetimskaya I. I. Moral Foundations of Legal Communication. Kutafin Law Review. 2023. No. 10 (3). Pp. 475–494. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.475-494; Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193.

³ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 232.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Там же. С. 299.

⁸ Егоров А. А. Указ соч. С. 41.

Он упрекает А. В. Полякова в логической ошибке, так как ему показалось, что автор коммуникативной теории права, называя право «тотальной реальностью», считает право единственным нормативным регулятором:

«Закон тождества, применяемый формальной логикой и заключающийся в том, что всякое суждение влечет (имплицитует) само себя, позволяет сделать вывод, что право является единственным социальным регулятором в обществе. Это обстоятельство порождает логическую ошибку, так как наряду с правом общественные отношения регулируются обычаями, моралью, религией и иными социальными нормами. В этом контексте постулат Полякова при его буквальном истолковании (с учетом отсутствия авторских пояснений) представляет собой ярко выраженный теоретический недостаток»⁹.

Остается загадкой, почему автор после приведенного определения права А. В. Полякова дает сноску на книгу Г. Ф. Шершеневича¹⁰. Но очевидно, что для того, чтобы понять смысл предисловия автора, следует обратиться к тексту целой книги, а не обвинять автора в отсутствии пояснений всех своих мыслей в предисловии. При последовательном ознакомлении с коммуникативной теорией права достаточно легко понять, что подразумевается под «тотальной реальностью». Эта идея коррелирует с феноменологическим понятием «жизненного мира», введенным в философию Э. Гуссерлем, который представляет собой «горизонт» возможных целей, стремлений и планов субъекта¹¹. С понятием жизненного мира связано и понятие правовой жизни. «Правовая жизнь подлечит общему и основному закону духовного развития и является, подобно религии, философии, науке, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единого жизненно-духовного делания»¹². Используя понятие «тотальной реальности», А. В. Поляков подчеркивает, что правовая жизнь не ограничивается государственно-защищенными правовыми отношениями, реальный круг субъектов правоотношений гораздо шире. «Один и тот же субъект часто выступает и субъектом государственно-защищенных правовых отношений, и субъектом непосредственно социальных правовых отношений. Например, священнослужитель, как человек и гражданин, является субъектом конституционных, гражданско-правовых и иных защищенных государством правовых отношений, а как член православного прихода вступает во внутрприходские правовые отношения, не регулируемые нормами государственного права»¹³.

Вообще сочетание «тотальная и синергичная интерсубъективная социокультурная реальность» нужно толковать вместе. Это означает, что право пребывает в коммуникативном пространстве, оно не дано в готовом виде, как объективная данность, а рождается в процессе межсубъектного взаимодействия и наделяется субъектами реальных отношений правовым смыслом. Но при этом право является всеобщей формой коммуникации, в которой участвуют все люди и из которой невозможно выйти, в отличие от морали, нравственности и религии, разделять которые человек может только добровольно.

Ну а наличие в обществе иных нормативных регуляторов совершенно не отрицается в коммуникативной теории права. Наоборот, А. В. Поляков демонстрирует принадлежность правовых норм к социальным нормам, наряду с моралью, нравственностью и религией, но признает у них наличие специфического, присущего только им, свойства атрибутивности¹⁴.

Что интересно, А. А. Егоров практически дословно повторяет критические замечания О. В. Мартышина, которые тот высказал в отношении коммуникативной теории права еще в 2017 г. О. В. Мартышин (2017 г.):

«...Традиционное интегралистское определение, практически совпадающее с приведенным в предшествующей главе определением Г. В. Мальцева 1989 г., не претендовавшим и в то вре-

⁹ Егоров А. А. Указ соч. С. 41.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции. М., 1911.

¹¹ Поляков А. В. Общая теория права... 2004. С. 45.

¹² Здесь А. В. Поляков цитирует И. А. Ильина: *Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М., 1994. С. 173–174. EDN: OXDKLN*

¹³ Поляков А. В. Общая теория права: курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С. 117. EDN: VWNHSD

¹⁴ Поляков А. В. Общая теория права... 2004. С. 705–708 (параграф «Виды социальных норм»).

мя на новизну»¹⁵; «Конечно, есть между двумя определениями и расхождения, но они не столь принципиальны. Г. В. Мальцев, еще не изживший советского нормативизма, связывал эту совокупность с властью, то есть с государством»¹⁶; «Кажется излишним и непонятным включение в приведенное определение ценностей в качестве самостоятельной категории наряду с правосознанием. Вызывает недоумение и требует пояснения определение права как тотальной реальности».

А. А. Егоров (2024 г.): «Внимательный анализ части определения, выделенные курсивом, вольно или невольно отсылает нас к позиции известного отечественного правоведа Г. В. Мальцева, который еще в 1989 г. писал: „Право... есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемые средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения“. Данное традиционное интегративное понимание права как норм, идей и отношений даже в то время не могло претендовать на новизну»¹⁷; «То обстоятельство, что Мальцев связывал эту совокупность норм, идей и отношений с государственной властью, объясняется тем, что он находился под влиянием доктрины советского нормативизма. Кроме того, требует осмысления и отождествление права с тотальной реальностью»¹⁸.

При этом А. А. Егоров пытается некоторые высказывания А. В. Полякова перефразировать своими словами, что-то из них убирая, что-то добавляя, и утверждает, что благодаря этому они приобретают лучшее звучание. Критик убежден, что в результате такого перефразирования будет внесен вклад в развитие научного знания, что выгодно отличает его критику от критики О. В. Мартышина, который «не предлагает собственного видения постулатов этих теорий»¹⁹. Например, А. А. Егоров предлагает на основе использования дедуктивного мышления (!) сформулировать более лаконичное коммуникативное определение:

«Право — это совокупность норм, идей и отношений, существующих и реализуемых в контексте социальной коммуникации»²⁰.

Однако остается неясным, почему сокращение авторского определения делает его более научно приемлемым.

Далее А. А. Егоров отмечает теоретический изъян всех интегральных концепций, заключающийся в соединении, на его взгляд, противоречивых положений²¹. И здесь он не оказывается первым. Например, И. Ю. Козлихин еще в 2007 г. сравнил желание интегративистов объединить все лучшие достижения основных типов правопонимания с мечтами героини из гоголевской «Женитьбы» Агафьи Тихоновны: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Ильича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...»²².

На это хочется ответить, что, возможно, И. Ю. Козлихин и прав, и его сравнение справедливо для интегративных концепций Дж. Холла и Г. Дж. Бермана, которые действительно на основании анализа и синтеза предлагали отбросить все недостатки классических школ и объединить все их достоинства. Но к коммуникативной теории права это не имеет отношения. А. В. Поляков не стремится объединить противоречивые суждения представителей различных подходов к праву, его задача иная. И он неоднократно это пояснял, предлагая представить право как многогранник. Для первых правовых позитивистов (И. Бентам и Дж. Остин) правом являлась команда суверена, подкрепленная угрозой применения принуждения, Г. Кельзен концентрирует внимание на нормах, юснатуралисты акцентируют внимание на

¹⁵ Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. С. 299. EDN: XSRAZB

¹⁶ Там же.

¹⁷ Егоров А. А. Указ. соч. С. 41.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 40.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же. С. 41.

²² Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 1(264). С. 39. EDN: KXDOIB. Также см.: Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 7. DOI: 10.12737/21518. EDN: WLUSWL

ценностях, представители социологической юриспруденции считают самым важным в праве правовые отношения, правовые реалисты — роль правоприменителей. А. В. Поляков предлагает изначально иной взгляд. Посмотреть на право в его многоединстве — это значит узреть все его грани. И такое усмотрение возможно только через идею коммуникации, которая связывает различные аспекты правовой реальности в эмерджентное целое. По этой причине и получается определение, согласно которому:

«Право одновременно представляет собой **идею** и реальный **факт, нормы** и **правоотношения**, индивидуальные **эмоции** и социальные **ценности, текст** и деятельность по его **интерпретации** и **реализации**. Ни одно из этих положений не истинно в своей отдельности и отвлеченности, только в рамках целостного восприятия права они обретают свой смысл»²³.

И право, действительно, проявляется во всех указанных ипостасях, что исключает любые противоречия.

А. А. Егоров вслед за О. В. Мартышиным упрекает А. В. Полякова в отсутствии научной новизны в его определении права²⁴. Критики полагают, что похожее определение было дано Г. В. Мальцевым еще в 1989 г. и что в целом оно традиционно для интегративного понимания права. Но и это соображение не работает. Да, в этом определении А. В. Поляков хотел подчеркнуть именно интегральный характер права, в противовес взглядам на право, выделяющим в праве только одну его грань в качестве самой главной: государственное принуждение (этатизм), нормы (нормативизм), правоотношения (социологическая юриспруденция), правосознание (психологическая теория права), ценности (юснатурализм), деятельность по интерпретации и применению в жизнь (правовой реализм). Но новизна коммуникативной теории права (как и любой другой) заключается не в определении права. Научная заслуга А. В. Полякова состоит в применении этого определения ко всей теории права и государства на основании феноменолого-коммуникативного подхода. Все общепринятые разделы разработанной им теории права и государства (общей теории права) представлены в свете интегральной концепции. Это и составляет научную новизну и заслугу его разработок.

Да, схожие определения права можно найти и у других правоведов. У Г. Гурвича, например, определение также включает в себя все перечисленные грани:

«Право представляет собой попытку осуществить в данных социальных условиях **идею справедливости** (т. е. предварительного и по своей сущности многообразного примирения противоречивых духовных ценностей, воплощенных в данной социальной структуре) путем многостороннего **императивно-атрибутивного** регулирования, основанного на неразрывной связи между **правопритязаниями и обязанностями**; это регулирование обретает **действенность** через нормативные факты, которые придают регулированию социальную гарантию **эффективности**, и может **в некоторых случаях** обеспечивать выполнение своих требований посредством заранее установленного **внешнего принуждения**, что не предполагается как обязательное»²⁵.

Дж. Холл выделял ценности, нормативную установленность, социальную и процессуальную стороны права:

«Право — тип социального действия, **процесс**, в котором **нормы, ценности** и **факты** срастаются и **актуализируются**»²⁶.

Г. Дж. Берман видел своей задачей «примирить строгое право и право справедливости, правосудие и милосердие, равенство и свободу»²⁷.

²³ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 58. EDN: QWJKWF

²⁴ Егоров А. А. Указ. соч. С. 41.

²⁵ Гурвич Г. Д. Философия и социология права / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 608. EDN: QWHWYN

²⁶ Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. С. 740.

²⁷ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 64.

В. С. Соловьев и А. С. Яценко также пытались дать синтетические определения права. В. С. Соловьев давал три определения права: онтологическое, аксиологическое, интегральное²⁸.

Онтологическое: «Естественное право есть та общая алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права»²⁹.

Аксиологическое: «Право — это принудительное требование реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»³⁰.

Интегральное: «Право есть исторически подвижное определение равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага»³¹.

А. С. Яценко в своем определении права ставил задачу сделать все остальные определения внутренне связанными:

«Право есть совокупность **действующих** в обществе, вследствие **коллективно-психического** переживания членами общества и **принудительного** осуществления органами власти, **норм поведения**, устанавливающих **равновесие между интересами личной свободы и общественного блага**»³².

А. В. Поляков отмечает, что категория «многоединство» в отношении права специально разрабатывалась в русской философии, в частности В. С. Соловьевым, С. Л. Франком, Л. П. Карсавиным и др.³³ Но дело не в схожести определений. Дело в том, что никто из вышеперечисленных авторов не увидел связи этих элементов через коммуникацию. А ведь главное — определить, что собирает разнородное в единое. Таким связующим звеном является идея коммуникации.

Удивительным видится при этом замечание В. В. Домакова и В. В. Матвеева, которые нашли «огрехи» общей теории права А. В. Полякова в том, что в первом издании «Общей теории права» 2001 г. «в содержании явно описательного характера нельзя увидеть характерную для любой теории стройную структуру, включающую в себя взаимосвязанные эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними»³⁴.

Не совсем понятно, почему авторы в 2016 г. обратились к изданию 2001 г., если уже в 2004-м и при последующих переизданиях курс «Общей теории права» имел совершенно стройную для этой дисциплины структуру, освещая все «традиционные» разделы данной дисциплины, относящиеся к догме права, а также дополнительные, решающие философско-правовые задачи: проблему правопонимания в истории теоретико-правовой мысли (лекция 1); российский правовой дискурс: основные идейные доминанты (лекция 2); правогенез (лекция 3); онтологический статус права (лекция 4); право и ценности (лекция 5); правосознание: онтологический и социокультурный ракурсы (лекция 6); правовую культуру (лекция 7); право и закон (лекция 8); право и государство (лекция 9); право в государстве: структурно-функциональный аспект (лекция 10); право в государстве: концепт правовой государственности (лекция 11); действие права (пространство правовой коммуникации) (лекция 12); правовые тексты как источники права (лекция 13); нормы права (лекция 14); правовые отношения (лекция 15); применение права (лекция 16); интерпретацию (толкование) правовых текстов (лекция 17); правонарушение и правовую ответственность (лекция 18); законность и правопорядок (лекция 19).

²⁸ Соловьев В. С. Предварительные замечания о праве вообще // Власть и право. Л., 1990. С. 98–112.

²⁹ Там же. С. 98–99.

³⁰ Там же. С. 109.

³¹ Там же. С. 112.

³² Яценко А. С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. М.: Марийский гос. ун-т, 2012. С. 174–175. EDN: QSNMWN

³³ Поляков А. В. Общая теория права... 2001. С. 169.

³⁴ Домаков В. В., Матвеев В. В. Понятийные огрехи «общей теории права» А. В. Полякова и их последствия для правовой науки // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. Вып. 3 (15). С. 86. EDN: WVIMID

При прочтении замечаний В. В. Домакова и В. В. Матвеева создается впечатление, что авторам не только не удалось понять замысел автора коммуникативной теории права, но и что им чужды многие понятия теории права и государства в целом. Например, они не понимают, почему А. В. Поляков использует для своей монографии слово «теория», зачем он называет теорию «общей»³⁵. Непонятным им кажется использование слов «феномен»³⁶ и «коммуникация», так как под коммуникацией авторы привыкли понимать «сообщение, пути, дороги, средства связи мест»³⁷ и недоумевают, почему А. В. Поляков предлагает понимать под коммуникацией «взаимодействие между субъектами, опосредованное некоторым знаковым объектом (текстом)».

Далее В. В. Домаков и В. В. Матвеев пишут, ссылаясь на стр. 171 «Общей теории права» 2003 г. издания, что А. В. Поляков считает:

«Право — это юридическое выражение производственных отношений в господствующих отношениях собственности; право — это специфическая форма экономических отношений, образующая юридическую надстройку над базисом классового общества; право — это средство упрочения общественных отношений, способ эмансипации производства от случая и произвола...»³⁸.

Но на этой странице А. В. Поляков приводит мнение Л. С. Явича по поводу тех определений права, которые могут быть научно приемлемыми и которые можно использовать для синтеза, что, в свою очередь, даст возможность составить «объемное представление о праве, кратко описать достигнутое наукой правопонимание, использовать его для дальнейшего развития науки и для решения практических вопросов»³⁹. А. В. Поляков цитирует здесь суждения Л. С. Явича как пример того, что даже в советской науке с середины 1950-х гг. предпринимались попытки «узконормативному» пониманию права противопоставить его «широкую» концепцию.

Еще один момент, который свидетельствует о нежелании авторов разобраться в коммуникативной теории права, но при этом найти в ней «огрехи», следующий. Авторы пишут:

«А. В. Поляков считает, что „правовые отношения выражаются в форме взаимных прав и обязанностей и связывают людей в коммуникативное правовое сообщество, определяя их соотношенное друг с другом поведение, направленное на удовлетворение потребностей в разнообразных социокультурных ценностях“». В то же время общеизвестно и совершенно очевидно, что отношения превращаются в правоотношения тогда и только тогда, когда они становятся обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, при этом они оказываются связаны не только с правами и обязанностями, но и с ответственностью, которая возникает за неисполнение обязанностей, за ненадлежащее исполнение обязанностей и за ненадлежащую реализацию своих прав»⁴⁰.

Говоря о том, что «право понимается прежде всего как система нормативных правовых отношений, которые, выражаясь в форме взаимных прав и обязанностей, связывают людей в общество, определяя их соотношенное друг с другом поведение, направленное на удовлетворение потребностей в разнообразных социокультурных ценностях»⁴¹, А. В. Поляков, как он и поясняет чуть ниже, показывает, что правовая норма становится таковою, только если она интерпретируется в сознании социального субъекта как общезначимая и общеобязательная, вызывая тем самым определенную поведенческую реакцию. Поэтому в случае, когда установленные государством нормы не имеют никакого отношения к жизни общества, не претворяются в общественных отношениях, — нет оснований говорить о праве⁴². И наоборот, если члены общества пользуются социально признанными правами и исполняют корреспондирующие им

³⁵ Домаков В. В., Матвеев В. В. Указ соч. С. 87.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 88.

³⁹ Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. С. 171. EDN: VWNHRT

⁴⁰ Домаков В. В., Матвеев В. В. Указ соч. С. 88. Предлог «во» перед «времени» пропущен авторами.

⁴¹ Поляков А. В. Общая теория права... 2003. С. 726.

⁴² Там же. С. 727.

обязанности, то независимо от того, что является основанием этих прав и обязанностей (закон, обычай, договор или религиозная норма), они находятся в сфере правовых отношений. И далее в этом же разделе учебника, раскрывая структуру правоотношения и описывая такой ее элемент, как субъект правовых отношений, А. В. Поляков пишет о деликтоспособности — способности субъекта правовых отношений нести ответственность за совершенное правонарушение, что означает, в частности, «выступить субъектом юридической обязанности претерпеть те юридические санкции, которые предусмотрены нормами права»⁴³. Таким образом, понятие обязанности включает в себя и обязанность нести юридическую ответственность, так что авторы могут не опасаться, что в коммуникативной теории права А. В. Полякова нет места ответственности, а только праву и обязанности. И тут, наоборот, можно упрекнуть авторов в полной теоретической путанице, так как они пишут о том, что «отношения превращаются в правоотношения тогда и только тогда, когда они становятся обязательными для всех», но правоотношения не могут быть обязательными для всех, обязательной для всех является правовая норма, на основании которой возникают правоотношения. А общеобязательность и общезначимость норм права у А. В. Полякова выделяются в качестве основных признаков правовой нормы наряду с предоставительно-обязывающим характером и функциональностью (действенностью)⁴⁴.

Авторы также пишут о введении А. В. Поляковым такого термина, как нормы-принципы, в то время, когда «даже великий Хаммурапи включил принципы права не в сам текст Свода законов, а в преамбулу»⁴⁵. Однако А. В. Поляков отмечает, что нормы-принципы как разновидности специальных норм выделяются во многих учебниках, а, по его мнению, «их вообще нельзя отнести к правовым нормам, поскольку они не определяют непосредственно права и обязанности субъектов»⁴⁶.

Критика В. И. Крусса в адрес коммуникативной теории права и постклассического подхода в юриспруденции в целом также может быть подвергнута сомнению. Говоря о «человеке конституционном», у которого права и свободы более солидарны, чем права и свободы человека, о которых пишет А. В. Поляков, так как «„человек конституционный“ внутренне готов к надлежащему — конституционному — правопользованию»⁴⁷, В. И. Красс не поясняет, почему «человек конституционный» будет к этому готов. Но ведь на самом деле к солидарности человека побуждает альтруизм, который уравнивает эгоизм, и вместе данные начала формируют принцип взаимного правового признания, о котором пишет А. В. Поляков⁴⁸.

2. Критика аргументированная

Практически единственный ученый, который обосновывает свои замечания в адрес коммуникативной теории права при доскональном ознакомлении с нею, — это М. В. Антонов.

Прежде чем перейти к критическим замечаниям М. В. Антонова, хотелось бы прояснить один важный методологический момент. Основное противоречие между позитивистским и непозитивистским подходами мне представляется непреодолимым, заключается в разных способах поиска оснований действительности/валидности права. Если с точки зрения юридического позитивизма существует только юридическая и социологическая валидности, то с точки зрения непозитивистских подходов к ним добавляется валидность моральная (или аксиологическая). Юридическая валидность связана с наличием юридической силы у закона. Социологическая — с действенностью закона. А моральная валидность связана с проверкой закона на соответствие справедливости. Для позитивистов понятия право и закон совпадают. Для этатизма достаточно факта издания закона по воле суверена или государственным органом, что-

⁴³ Там же. С. 768.

⁴⁴ Там же. С. 706–711.

⁴⁵ Домяков В. В., Матвеев В. В. Указ соч. С. 90.

⁴⁶ Поляков А. В. Общая теория права... 2001. С. 487.

⁴⁷ Красс В. И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 31. DOI: 10.12737/jrl.2021.133. EDN: GFQSI0

⁴⁸ Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетей, 2023. С. 111–127 (параграф о нейробиологических предпосылках права).

бы такой закон считался правом. У Г. Кельзена кроме надлежащего издания добавляется необходимость действенности. Если люди долго не следуют каким-то нормам, то есть закон не является действенным (социологическая валидность), он лишается и своей действительности (юридическая валидность). Но для непозитивистов этого недостаточно. Яркий пример — формула Г. Радбруха: «Если законы сознательно попирают волю справедливости, например предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер»⁴⁹.

В коммуникативной теории права учитываются все три вида валидности. При этом аксиологическая валидность связывается с реализацией в праве принципа взаимного правового признания. Как справедливо отмечает М. В. Антонов, «правом для автора являются те нормы, что опосредуют аксиоматические требования взаимного признания, поскольку обязанности, соответствующие коммуникативной природе права, можно адресовать только свободной и автономной личности»⁵⁰. И данное положение коммуникативной теории права как раз подвергается критике со стороны М. В. Антонова:

«Любая норма, устанавливающая нечто, противное принципу взаимного правового признания, — например, рабство или закрепощение человека, смертную казнь, пытки и иные формы негуманного обращения с человеком, — лишается своего правового — в данном контексте обязывающего — характера»⁵¹.

М. В. Антонов не может согласиться с этим тезисом, так как он находится в рамках позитивистской методологии. Приведем несколько замечаний автора, а затем попытаемся их преодолеть.

«Этот принцип (принцип взаимного правового признания. — *Прим. авт.*) не диктуется эмпирическими условиями бытия людей, их мировоззрением или лежащими в основе их поступков фактическими мотивами»⁵².

«Мы не можем ставить его (права. — *Прим. авт.*) действительность в зависимость от совпадения с тем нравственным идеалом, который лишь немногие люди делают руководящим принципом своих поступков»⁵³.

«В рабовладельческих, средневековых и иных исторических право порядках никто и не задумывался о перспективе правового равенства рабов и господ, знати и плебса, представителей прочих социальных слоев, чье неравенство считалось онтологически и аксиологически заданным природой и/или богами. Эти общества были организованы на основе противного принципа, рассматривающего принадлежащих к разным группам (сословиям и проч.) людей как юридически неравных, имеющих различную ценность в иерархии бытия»⁵⁴.

На это хочется ответить, что все перечисленные М. В. Антоновым формы организации жизни общества рухнули, изжили себя. Правовое неравенство и отсутствие взаимного правового признания ведет к краху соответствующей системы. Длительная институализация непризнания равенства в правовых отношениях приводит к радикализации борьбы соответствующих социальных групп за признание и к «отмиранию» существующего строя или режима (рабовладельческого, феодального, фашистского). Вряд ли их можно назвать право порядками. Порядком отношения между господином и рабом можно назвать только в том случае, если раб добровольно готов считать себя рабом. Но являются ли такие отношения правовыми? Любые действия раба могут быть отменены господином, любые действия господина в отношении раба должны считаться правом. Но действия в отношении объекта никогда не

⁴⁹ Радбрух Г. Пять минут философии права // Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения. 2004. С. 226.

⁵⁰ Антонов М. В. Коммуникация и действительность права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 28. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC

⁵¹ Там же. С. 28–29.

⁵² Там же. С. 29.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

могут получить правового смысла со стороны объекта. А если это субъект, то у него должны быть неотъемлемые права.

А. В. Поляков обращает внимание на то, что вся история развития человечества представляет собой борьбу эгоистических и альтруистических начал в человеке, которые призвано уравновесить право⁵⁵. Он отмечает, что отношения господства и подчинения были преодолены в результате демократических революций. «Неравные признания хозяев и рабов были заменены признанием универсальным и взаимным»⁵⁶. Далее принцип взаимного признания был закреплен во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 1 которой гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»⁵⁷.

Замечание М. В. Антонова о том, что принцип взаимного правового признания не диктуется эмпирическими условиями бытия людей, как раз и опровергается историческими фактами, потому что весь ход истории демонстрирует борьбу за признание и расширение присутствия этого принципа в правовых системах всех стран без исключения. Использование теста на наличие принципа взаимного признания для оценки возможности отнесения той или иной системы к правовой не откажет всем рабовладельческим и феодальным обществам в целом, а откажет в частности. Наряду с нормами, юридически закрепляющими правовое неравенство и на таком основании не являющимися правовыми в подлинном смысле, существовали нормы, устанавливающие равенство в правоотношениях между свободными людьми в греческом полисе или в Римской империи, или между белыми свободными мужчинами в Америке, или между представителями арийской нации в фашистской Германии. Но те нормы, которые закрепляли отношение к человеку как к средству, вещи, а не как к автономному свободному субъекту правоотношений, являлись разновидностью властного (государственного или социального) произвола, обеспечиваемого силой и принуждением. Принцип взаимного правового признания может иметь разную степень реализации. Но в своем историческом развитии человечество демонстрирует постепенное расширение этого принципа.

Поставив юридическую валидность в зависимость от аксиологической (зависимость обязывающей силы права от реализации в праве принципа взаимного правового признания), А. В. Поляков показал, что в основании коммуникативной теории права лежит непозитивистская методология. Никаких противоречивых сочетаний различных подходов в ней нет. И здесь можно ответить еще на одно критическое замечание, которое представляется аргументированным. Оно высказано Л. В. Головки, с точки зрения которого, главная проблема коммуникативной теории права (как и других интегративных или интегральных концепций) состоит в том, что она не дает инструмент для разрешения правовых конфликтов⁵⁸. Он считает, что можно вынести судебное решение, руководствуясь позитивизмом (на основании толкования законов) или юснатурализмом (применяя правовые принципы). Но вынести решение на основании коммуникативной теории права судья не может. Однако именно признание равной правосубъектности всех людей позволило бы человеческому обществу избежать многих ошибок в своей истории. Если бы судьи нацистской Германии выносили решения, руководствуясь коммуникативной теорией права, в концлагеря не были бы отправлены миллионы людей. Потому что законодательство, на основании которого выносились эти решения, попирало принцип взаимного правового признания, произвольно считая одних достойными, других — нет. Это созвучно с формулой Г. Радбруха, но у А. В. Полякова справедливость имеет конкретное содержание — признание равной правосубъектности всех людей.

⁵⁵ Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 148. С. 29–158.

⁵⁶ Там же. С. 150. С отсылками к Г. Гегелю и Ф. Фукуяме.

⁵⁷ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.07.2025).

⁵⁸ Головки Л. В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 100–102. (С. 92–126).

Е. Н. Тонков также рассуждает над принципом взаимного правового признания. Он указывает, что: «наряду с правилом взаимного правового признания мы испытываем действие правил непризнания, которые могут носить не только взаимный, но и односторонний характер»⁵⁹.

Непонятно, что понимается под правилом непризнания. В каком смысле непризнание может быть правилом? Руководствуясь логикой, приходим к выводу: непризнание есть отрицание признания. Значит, признание есть исходный принцип, а непризнание в этом случае лишь отрицание принципа, но не сам принцип. Так же как добросовестность есть принцип, а недобросовестность не принцип, а всего лишь отрицание принципа. Кроме того, невозможно считать одним из принципов права правило непризнания, потому что главное назначение права — это установление такой формы общежития, при которой возможно мирное сосуществование всех людей и максимальная возможность осуществления ими своих частных интересов в согласованности с частными интересами других и благом всего общества. Если возводить непризнание в принцип права, никакого мирного существования получиться не может. Будет война всех против всех. Поэтому непризнание — это нарушение принципа взаимного признания, а не правило, существующее наравне с ним.

Е. Н. Тонков также предлагает ввести термин «дискоммуникация» для описания ситуаций правового непризнания⁶⁰. Но еще ранее мы описали возможные отклонения от подлинной коммуникации как «деформации правовой коммуникации»⁶¹. Сам Е. Н. Тонков указывает, что для таких отношений в литературе используется термин «коммуникативный конфликт»⁶². У А. В. Полякова есть понятия «разрыв правовой коммуникации» или «помеха в коммуникации»⁶³ для обозначения правового конфликта. Представляется, что дискоммуникация не всегда должна быть связана с правовым непризнанием. Она может случиться из-за непонимания субъектами друг друга, из-за сбоя в передаче информации, неверного раскодирования адресатом сообщения адресанта.

Выводы

Критика, направленная в адрес коммуникативной теории права, к сожалению, не всегда является обоснованной и соответствующей требованиям, предъявляемым к научной дискуссии. Сказанное не означает, что коммуникативная теория права (как и коммуникативная философия права) является теорией совершенной, не имеющей изъянов и не нуждающейся в критике. Если бы это было так, то она и не была бы научной теорией, а выступала бы в качестве идеологической догмы, предметом веры со стороны ее сторонников. Но формат статьи не позволяет рассмотреть все проблемные вопросы, возникающие в этой связи (особенно интересны последние размышления на этот счет И. Л. Честнова, Н. В. Разуваева, В. И. Павлова, а также соображения, ранее высказываемые сторонниками либертарно-юридической теории права).

Коммуникативный подход к пониманию права демонстрирует свою эффективность в том числе потому, что помещает в центр правовой системы человека, его права и свободы, в неразрывной связи с обязанностями и способностью нести ответственность. Правопорядок в рамках такого правопонимания не рассматривается как самоцель или самодостаточная, самореферентная система. Его предназначение заключается в обеспечении мирного сосуществования индивидов и воспроизводства социума при оптимальном балансе между индивидуальной свободой и общественным благом. Такой подход является антропологическим (человекообразным) и постклассическим⁶⁴, так как преодолевает «одномерность»

⁵⁹ Тонков Е. Н. Коммуникация и дискоммуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 47. (С. 44–51). DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN IOOWWU

⁶⁰ Там же. С. 47.

⁶¹ Светимская И. И. Деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России // Ideology and Politics Journal. 2021. № 2 (18). С. 292–312. DOI: 10.36169/2227-6068.2021.02.00013

⁶² Там же. С. 48.

⁶³ Поляков А. В. Общая теория права... 2004. С. 619.

⁶⁴ О методологических основаниях постклассических правовых исследований см.: Светимская И. И. Методологический потенциал постклассических правовых исследований // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетей, 2023. С. 241–265.

классических теорий, их редукционизм (сведение права к одному основанию), объективацию права как не зависящую от человека реальность, демонстрирует право как конструируемый в интересующем взаимодействии феномен, обладающий своим предназначением (сущностью, эйдосом), отличающийся от других нормативных регуляторов наличием атрибутивной составляющей наряду с императивной. Отличительной чертой такого подхода является его методологическая открытость к синкретизму, позволяющая интегрировать методы иных научных дисциплин. Это дает возможность выйти за рамки узкоспециального юридического анализа и акцентировать внимание на социально-практической ценности и значимости правовых норм.

Список источников

1. Антонов М. В. Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 23–33. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. Головкин Л. В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 92–126. EDN: WYHNTT
4. Гурвич Г. Д. Философия и социология права / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: ИД СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. 848 с. EDN: QWHWYN
5. Домаков В. В. Понятийные огрехи «общей теории права» А. В. Полякова и их последствия для правовой науки / В. В. Домаков, В. В. Матвеев // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. Вып. 3 (15). С. 84–92. EDN: WVIMID
6. Егоров А. А. Коммуникативная теория права: анализ и альтернативное прочтение основных положений // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 3 (33). С. 38–50. EDN: DGTUWY
7. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М., 1994. EDN: OXDKLN
8. Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 1 (264). С. 31–40. EDN: KXDOIB
9. Крусс В. И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 11. С. 19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133. EDN: GFQSIO
10. Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. 352 с. EDN: XSRAZB
11. Осветимская И. И. Деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России // Ideology and Politics Journal. 2021. № 2 (18). С. 292–312. DOI: 10.36169/2227-6068.2021.02.00013
12. Осветимская И. И. Методологический потенциал постклассических правовых исследований // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 241–265.
13. Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. 642 с. EDN: VWNHSD
14. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 845 с. EDN: VWNHRT
15. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: ИД СПбГУ, 2004.
16. Поляков А. В. Общая теория права: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 468 с. EDN: QWJKWF
17. Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144–155. EDN: ZDLVXB

18. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov. EDN: AQDOOD
19. Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 111–127.
20. Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193.
21. Радбрух Г. Пять минут философии права // Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения. 2004. С. 225–228.
22. Соловьев В. С. Предварительные замечания о праве вообще // Власть и право. Л., 1990. С. 98–112.
23. Тонков Е. Н. Коммуникация и дискommуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 44–51. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN IOOWWU.
24. Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3. С. 739–741.
25. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 5–15. DOI: 10.12737/21518. EDN: WLUSWL
26. Яценко А. С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. М.: Марийский гос. ун-т, 2012. 402 с. EDN: QSNMWN
27. Polyakov A. V., Osvetimskaya I. I. Moral Foundations of Legal Communication. Kutafin Law Review. 2023. No. 10 (3). Pp. 475–494. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.475-494

Об авторе:

Осветимская Ия Ильинична, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

References

1. Antonov, M. V. (2025) Communication and validity of law in A. V. Polyakov's conception. *Rossiiskaya yustitsiya*. No. 5. Pp. 23–33. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23 (In Russ.)
2. Berman, G. J. (1998) Western legal tradition: the era of formation.
3. Golovko, L. V. (2016) Post-Soviet theory of law: difficulties of positioning in historical and comparative context. In: Problems of Post-Soviet theory and philosophy of law: collection of articles. *Yurlitinform*. Pp. 92–126. (In Russ.)
4. Gurvich, G. D. (2004) Philosophy and sociology of law. *Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University*. 848 p.
5. Domakov, V. V., Matveev, V. V. (2016) The conceptual flaws of the “general theory of law: phenomenological and communicative approach: a course of lectures” A. V. Polyakov and their implications for legal science. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. Iss. 3 (15). Pp. 84–92. (In Russ.)
6. Egorov, A. A. (2024) Communicative theory of law: analysis and alternative reading of the main provisions. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 3 (33). Pp. 38–50. (In Russ.)
7. Ilyin, I. A. On the essence of justice. Collected works in ten volumes. Vol. 4. Moscow, 1994. (In Russ.)
8. Kozlikhin, I. Yu. (2006) On Unconventional Approaches to Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. No. 1 (264). Pp. 31–40. (In Russ.)
9. Kruss, V. I. (2021) Constitutional Legal Understanding vs “Legal Epistemology”: Bjarne Melkevik and “Others”. *Journal of Russian Law*. Vol. 25. No. 11. Pp. 19–35. (In Russ.)

10. Martyshin, O. V. (2017) Philosophy of Law. Textbook for Masters. *Prospect*. (In Russ.)
11. Osvetimskaya, I. I. (2021) Deformations of Communication between State Power and Society in Russia. *Ideology and Politics Journal*. No. 2 (18). Pp. 292–312. (In Russ.) DOI: 10.36169/2227-6068.2021.02.00013
12. Osvetimskaya, I. I. (2023) Methodological Potential of Postclassical Legal Research. In *Postclassical Legal Research: Prospects of the Scientific and Practical Program: Collective Monograph* / edited by E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. *Aleteya*. Pp. 241–265. (In Russ.)
13. Polyakov, A. V. (2001) General Theory of Law. Lecture Course. *Legal Center Press Publishing House*. (In Russ.)
14. Polyakov, A. V. (2003) General Theory of Law: Phenomenological and Communicative Approach: Lecture Course. 2nd ed., suppl. *Legal Center Press Publishing House*. (In Russ.)
15. Polyakov, A.V. (2004) General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach: Lecture Course. *Publishing House of St. Petersburg State University*. (In Russ.)
16. Polyakov, A.V., Timoshina, E. V. (2005) General Theory of Law: Textbook. *Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University*. (In Russ.)
17. Polyakov, A. V. (2016) Psychological Theory of Law by Leo Petrażycki in the Light of the Communicative Approach. *Pravovedenie*. No. 5 (328). Pp. 144–155. (In Russ.)
18. Polyakov, A. V. (2021) The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian Philosophical and Legal Tradition and Communicative Approach to Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No. 16 (6). Pp. 39–101. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov
19. Polyakov, A. V. (2023) Postclassical Jurisprudence, Evolutionary Theory, and Neuroscience (Confession of a Communicative Scholar). In: *Postclassical Legal Studies: Prospects of the Scientific and Practical Program: Collective Monograph. Aletheia*. Pp. 111–127. (In Russ.)
20. Polyakov, A. V. (2024) Law and the Problems of Its Axiological Interpretation: Introduction to the Philosophical Anthropology of Law and Morals. In: *Interpretation of Law: Classics and Postclassics: Collective Monograph. Aletheia*. Pp. 77–193. (In Russ.)
21. Radbruch, G. (2004) Five Minutes of Legal Philosophy. In: *Philosophy of Law. International Relations*. Pp. 225–228.
22. Soloviev, V. S. (1990) Preliminary Remarks on Law in General. *Vlast' i Pravo*. Pp. 98–112. (In Russ.)
23. Tonkov, E. N. (2025) Communication and Discommunication in Russian Legal Realism. *Rossiiskaya yustitsiya*. No. 5. Pp. 44–51. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN: IOOWWU
24. Hall, J. (1999) Integrative Jurisprudence. In: *Anthology of World Legal Thought. Mysl'*. Vol. 3, pp. 739–741.
25. Cherdantsev, A. F. (2016) Integrative Misunderstanding of Law. *Journal of Russian Law*. No. 10. Pp. 5–15. (In Russ.)
26. Yashchenko, A. S. (1912) Theory of Federalism. Experience of the Synthetic Theory of Law and State. *Izdatel'stvo Marijskij gosudarstvennogo universiteta*. Pp. 174–175. (In Russ.)
27. Polyakov, A. V., Osvetimskaya, I. I. (2023) Moral Foundations of Legal Communication. *Kutafin Law Review*. No. 10 (3). Pp. 475–494. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.475-494

About the author:

Iya I. Osvetimskaya, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.